

Оригинальная статья / Original article

УДК 902/904 (517.3)

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-65-84>

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛИИ И ВОПРОСЫ РАННЕМОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© П.Б. Коновалов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Аннотация. В статье публикуется материал о средневековых погребениях, раскопанных в 80-е годы на территории Монголии в период функционирования Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. Наиболее сохранные из них по способам и устройству захоронения, погребальному обряду и сопровождающему инвентарю оказались во многом аналогичными, если не сказать идентичными, погребальным комплексам на территории всего Забайкалья, Западного и Восточного, и отчасти Южного Прибайкалья. Автор соотносит их с саянградской группой (культурой) типолого-хронологической классификации средневековых погребальных комплексов Бурятии, датируемой XI–XIV вв. В связи с введением в научный оборот этого материала автор затрагивает вопрос о раннемонгольской археологической культуре, которая немало обсуждается в литературе, но при этом воспринимается и трактуется по-разному, как по хронологии, так и по этно-археологическим признакам.

Ключевые слова: Монголия, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, типология, хронология, археологическая культура, ранние монголы, Забайкалье, критерии идентификации, саянградская группа погребальных комплексов.

Формат цитирования: Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 65–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

MEDIEVAL BURIAL SITES OF MONGOLIA AND QUESTIONS OF EARLY MONGOLIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE

© P.B. Konovalov

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract. The article publishes data of medieval burials excavated in the 80s in Mongolia during the Soviet-Mongolian Historical and Cultural Expedition. The most preserved of them by methods and arrangements of burial, funeral rites and accompanying inventory turned out to be largely analogous, if not identical, to the funerary complexes in the entire Transbaikalia, Western and Eastern, and partly Southern Baikal region. The author correlates them with the Sayantui group (culture) of the typological and chronological classification of medieval burial complexes of Buryatia, dating from the 11th-14th centuries AC. In connection with the introduction of this material into the scientific circulation, the author touches upon the question of the early Mongolian archaeological culture, which is discussed in the literature, but at the same time it is perceived and interpreted in different ways, both in chronology and ethno-archeological features.

Keywords: Mongolia, funeral rite, accompanying inventory, typology, chronology, archaeological culture, early Mongols, Transbaikalia, identification criteria, Sayantui group of funeral complexes

For citation: Konovalov P.B. Medieval Burial Sites of Mongolia and Questions of Early Mongolian Archaeological Culture. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 65–84. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Средневековые погребальные памятники на территории Монголии относятся к числу все еще мало изученных по сравнению с памятниками других эпох. Как показывает практика полевых работ,

сетовать на недостаток таких памятников на обширных просторах страны не приходится, но они долго не становились объектом целенаправленных исследований. На фоне других, более «привлека-

тельных» древностей Монголии, малозаметные полузадернованные каменные наброски и кургачики над могилами изредка привлекали к себе внимание, становясь объектом иногда не запланированных исследований. Такого рода исследования связаны с именами С.В. Киселева, А.П. Окладникова, Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава, Д. Доржа, Д. Наваана, В.В. Волкова, В.Е. Войтова, Д. Баяра, Д. Цэвээндоржа, И.В. Асеева, Ю.С. Худякова, Х. Лхагвасурэна, Ц. Төрбата, З. Батсайхана, У. Эрдэнэбата, С. Хурэлсух, Д. Тумэн, С. Эрдэнэ, Г. Анхсанаа, Д. Хатанбаатар, Р. Төгсайхан и др. Среди монгольских археологов времен Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции 70–80-х годов прошлого века – Д. Наваан, по моим наблюдениям в годы совместной с ним работы, проявлял направленный интерес к такого рода объектам, уделяя внимание и время для того, чтобы поработать на них, решая другие задачи наших совместных экспедиционных маршрутов. Известный антрополог, глава школы падеоантропологии Монголии Д. Тумэн часто работала с Навааном и набирала нужный ей материал по краниологии. Именно в полевых работах с Навааном в те годы приобщался к археологии Лхагвасурэн, будущий автор монографической сводки данных по монгольским погребениям. Думается, что не без влияния Наваана, вернее сказать, от него и приняла эстафету изучения раннемонгольских погребальных памятников и выше упомянутые молодые археологи Монголии.

Накопленные к концу XX века материалы обобщены и систематизированы в двух известных нам работах: в диссертации Х. Лхагвасурэна (1994), доработанной позднее в монографию под названием «Монгольские погребения периода Чингис хана (XII–XIV вв.)» (Лхагвасурэн, 2015) и в статье Ю.С. Худякова «Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья» (Худяков, 2002).

Статья Ю.С. Худякова важна как первый опыт систематизации имеющихся к тому времени материалов, связанных в большинстве своем с культурой тюркских династий – каганатов Тюрков, Уйгуров и Кыргызов. Автором справедливо отмечено отсутствие данных о памятниках до тюркского пе-

риода, то же самое отмечено о киданьских погребениях на территории Монголии, а относительно памятников монгольского периода дана ссылка на диссертационную работу Х. Лхагвасурэна. Представленный в статье Худякова графический ряд типологии памятников мы склонны рассматривать как первое приближение к проблеме этнохронологии, идентификации и дифференциации между тюркоязычными и монголоязычными этносами на территории страны.

Монография Х. Лхагвасурэна представляет собой сводку памятников, определенных им как «монгольские погребения периода Чингис хана». В ней собраны данные о 154 погребениях, они представлены в табличной форме, приложенной к историографической главе «Изучение погребальных комплексов монголов (XII–XIV вв.)». Следующая глава посвящена описанию памятников. Систематизация материалов дана в главах: «Погребальный обряд» и «Погребальный инвентарь». Историко-аналитическая часть представлена в главе «Погребальные комплексы и некоторые вопросы хозяйственной деятельности и этнокультурных связей монголов в эпоху средневековья». Книга ценна как первый опыт систематизации материалов по теме, хотя качество и степень их проработки оставляют желать лучшего. Однако актуальность поднятой Лхагвасурэном темы и тогда, и по сей день остается острой.

По нашему мнению, материалы с территории Монголии, именно те, которые классифицируются как погребения монголов или как раннемонгольская культура (вслед за такой дефиницией, введенной в оборот археологами Бурятии, о чем см. ниже), пребывают все еще на стадии первоначального накопления. Не будет ошибкой сказать, что предлагаемые типологизация и хронологизация средневековых погребений Монголии опираются на соответствующие разработки подобных памятников в сопредельных регионах Забайкалья и Предбайкалья, что и определяет типолого-хронологическую схему и вопросы их этнической атрибуции. Между тем, сопоставляемые с ними памятники на территории этнической Бурятии, хотя и сравнительно лучше изученные, тем не менее находятся в состоянии спорного решения их этни-

ческой принадлежности, дифференциации между тюрко-язычными и монголо-язычными этносами, все еще нет единогласия в этих вопросах. Словом, средневековые памятники Монголии и Байкальского региона нуждаются в дальнейшем комплексном, обоюдно скоррелированном, исследовании. Лишь в результате этого можно прийти к адекватному толкованию этнических процессов, в особенности периода раннего средневековья.

При таком состоянии дела остро актуальными становятся вопросы накопления и систематизации материалов, прежде всего, из Монголии. В связи с этим автор счел необходимым представить здесь результаты произведенных там совместно с монгольскими археологами Д. Навааном, Д. Цэвээндоржем и частично с участием венгерского археолога И. Эрдели исследований в период функционирования Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. В ситуации, когда «монгольских» материалов пока ещё недостаточно для собственной внутренней классификации, имеют значение все подробности описания процесса раскопок, детальная фиксация полевых наблюдений, порою с ошибками и упущениями, которые встречаются в ходе раскопок. Думается, что такая доку-

ментация, отражающая первоначальные впечатления и ассоциации исследователя, важна на данной стадии накопления материалов. Вместе с тем автор должен оговориться, что в настоящей публикации не обеспечена полнота источниковедческой обработки материала, но это лишь по той причине, что я не имел возможности камеральной работы с материалом по месту хранения коллекций в Улан-Баторе. Таким образом, к публикации предлагается работа, подготовленная на основе только полевой документации.

Средневековый могильник у горы Буурал уул Хонгор сомона Селенгинского аймака. Могильник находится в 3 км к северо-северо-востоку от Хонгор сомона Селенгинского аймака МНР (рис. 1). Археологическим отрядом Монголо-Советской историко-культурной экспедиции, возглавляемой Д. Навааном с монгольской стороны и П.Б. Коноваловым с советской, в 1981 г. раскопаны три могилы.

Могила 1. Находится на крутом склоне, обращенном на ЮЗ, представляет собой продолговатую каменную кладку или небольшой каменный курган высотой до 15–20 см, со слабо задернованными камнями. Расчистку кладки кургана производить не стали, но в процессе ее разборки зафиксировано,

Рис. 1. Карта-схема средневековых могильников Монголии, на которых проводились археологические исследования: 1 – Буурал уул; 2 – Сальхитын тохой; 3 – Богчийн булан; 4 – Гурван модото; 5 – Хэшээны ухаа
Fig. 1. Map-schema of the Medieval cemeteries in Mongolia, on which the archaeological studies were conducted

что она была подпрямоугольной формы, из сравнительно крупных камней по краям и камней поменьше внутри. Толщина кладки практически не более чем в один ряд камней, причем плоские камни лежали плашмя. Кладка ориентирована длинной осью по склону горы в направлении СВ–ЮЗ (рис. 2).

После разборки кладки при зачистке под ней уже было видно пятно могильной ямы. На глубине 1 м появились следы сильно истлевших деревянных досок (перекрытия гроба?). На южном конце ямы, в ногах, обнаружена сначала фаланга ноги человека, затем и кости ступней ног, а в северном углу ямы на глубине 130 см показался череп (разница в показателях глубин – за счет склона местности).

Гроб был обозначен лишь контурами древесного тлена. Длина его 180 см, ширина около 50 см, с прогибом посередине. Интересно, что гроб находился не строго посередине ямы, а южным концом был сдвинут к западной стене, северным концом

уходил в СВ угол ямы. Стало ясно, что это подбой, точнее – полуподбой или имитация подбоя (рис. 2, разрез). Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с полусогнутыми руками, кистями в низу живота. Длина скелета 160 см, средняя часть его была заметно опущена вниз. Останки мужчины коренастого телосложения, с типично монголоидным черепом, с поврежденным, возможно, еще при жизни, верхним эпифизом правой голени. В области пояса с правой стороны найдены кость ноги барана с астрагалом и пяточной костью, рядом два спинных бараньих позвонка и один такой же позвонок в изголовье чуть правее головы.

При расчистке скелета найдено: у левой бедренной кости нож с железным узким продолговатым клинком длиной 15 см, шириной 1,2 см, с деревянной рукоятью и в деревянных же ножнах (рис. 2.2) пять железных наконечников стрел, из них два в области груди, острием вверх (к изголовью), три в области стопы с левой стороны, острием книзу (к ногам) (рис. 2.3); у правого бедра железные удила (рис. 2.4), у левого плеча железный предмет в виде огнива (кресало) (рис. 2.5); острие из рога, похожее на инструмент для развязывания узлов (монг. *соёо* / бурят. *хоёо*), с отверстием для подвешивания (рис. 2.1).

Могила 2. Находится недалеко от предыдущей, также на склоне горы. Выглядела сверху как вытянутый по склону в направлении СВ–ЮЗ бугорок высотой до 15–20 см, с задернованными камнями.

Кладку также не стали расчищать. При её разборке оказалось мало камней, не образующих какую-нибудь форму выкладки. Не фиксировались и верхние контуры могильной ямы. Прокопав в глубину до 80 см, наткнулись на продольные доски, лежавшие ближе к западной стенке ямы, так же, как в могиле 1 (рис. 3). На южном конце одной из них прослеживался фрагмент поперек лежавшей доски, похожей на заднюю стенку гроба (?). Решили, что другая стенка гроба уходит в подбой ямы, и прирезали последнюю на 60 см. На этот раз погребение оказалось в полнопрофильном подбое, при его расчистке следов деревянной конструкции там не оказалось. Стало понятно, что вышеупомянутые доски не были ни перекрытием, ни стенкой гроба,

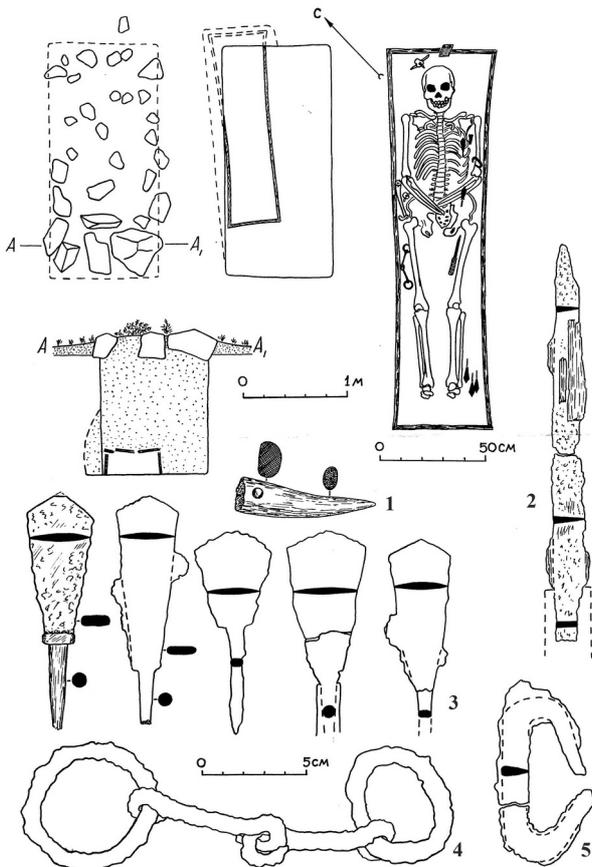

Рис. 2. Могильник Буурал уул. Могила 1
Fig. 2. Cemetery Buural uul. Grave 1

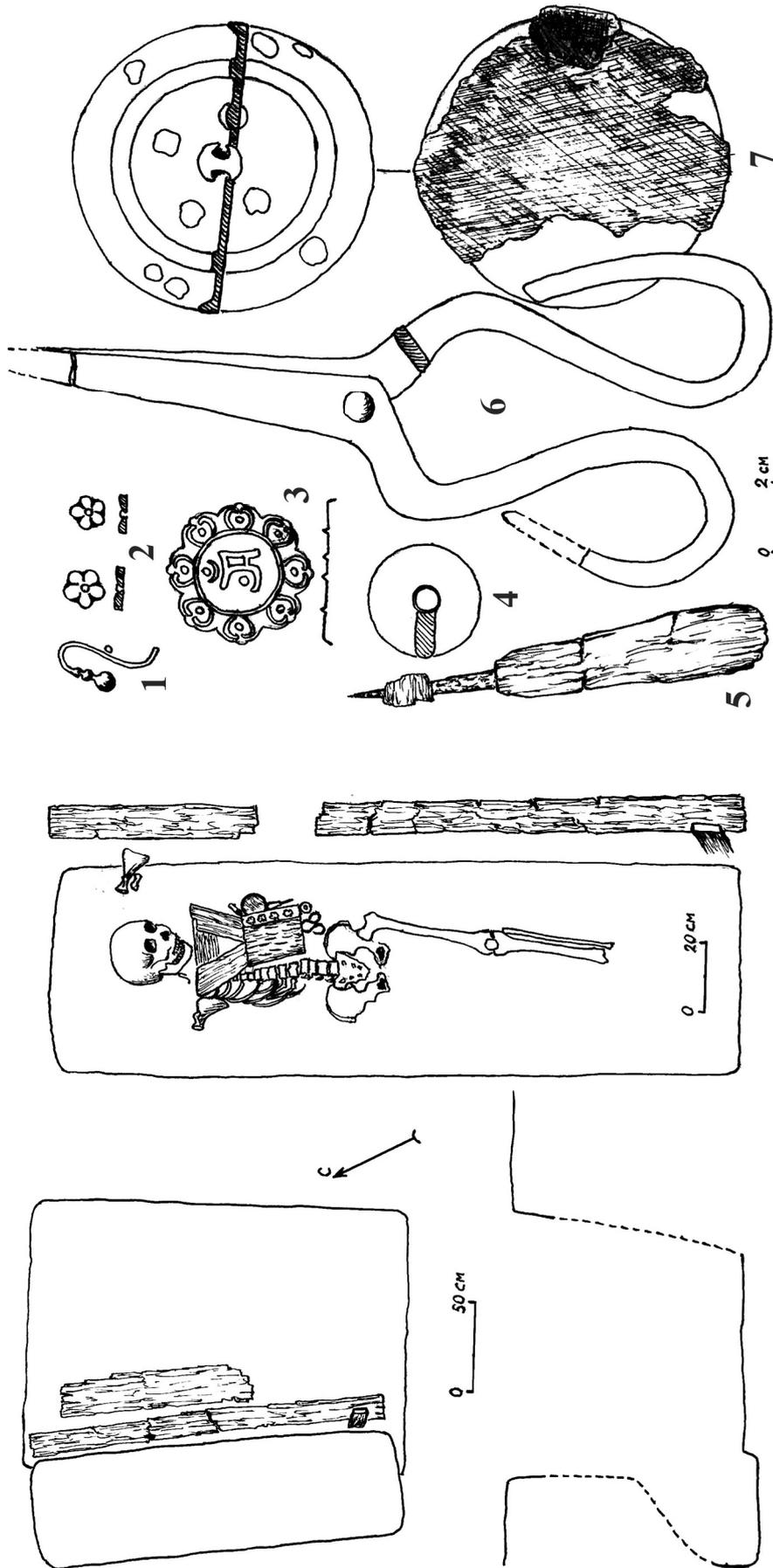

Рис. 3. Могильник Буурал уул. Могила 2
Fig. 3. Cemetery Vuural uul. Grave 2

а были остатками дощатой загородки, отделяющей подбой от ямы. Загородка была сооружена из досок, прислоненных к слегка наклоненным планкам (рис. 2, план и профиль ямы).

Итак, на глубине 110–135 см в подбое северозападной стенки ямы нами расчищено захоронение женщины сравнительно молодого возраста. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении. Кости рук, правой ноги и стопа левой ноги полностью отсутствовали (непонятно почему (?). В изголовье погребения слева от черепа найдена баранья лопатка и берцовая кость с астрагалом (см. на плане).

На правом ухе найдена серьга медная проволочная, в виде вопросительного знака (рис. 3.1), заканчивающегося большим и малыми шарикообразными вздутиями. На груди обнаружено берестяное изделие, казавшееся сначала похожим на нагрудник (или фартук), украшенный нашитыми 5-лепестковыми голубыми стеклянными пуговками (рис. 3.2) и белым бисером. Из-под «нагрудника» с боков торчали пришитые к нему две медные трубочки. Вместе с ними найдены также пришитые к бересте две медные фигурные, в форме 8-лепестковых розеток, бляхи с оттиснутым рельефным орнаментом на лепестках и знаком типа «соёмбо» (показана одна из них, хорошей сохранности (рис. 3.3). Впоследствии, уже после раскопок, я пришел к выводу, что лежавшее на груди берестяное изделие могло быть известным в монгольской этнографии женским головным убором «богтаг» (или «бокка»), берестяная основа которого предстала перед нами в таком виде. При захоронении такой высокий парадный головной убор либо был положен на грудь усопшей, либо поставлен вертикально на лоб, откуда впоследствии при обвале стен ямы он мог упасть на грудь и в расплюсненном состоянии приобрести такую форму, которая вызывала ассоциацию с фартуком.

Из-под бокки с левой стороны было наполовину видно медное зеркало «ТОЛИ» диаметром 8,5 см с рельефным орнаментом на оборотной стороне (рис. 3.7). Под толи обнаружено железное шило с деревянной рукояткой (рис. 3.5). Слева на поясе, также частично под боккой, обнаружены железные ножницы и керамический диск от пряс-

лица (рис. 3.6, 4). На зеркале, бляшках «соёмбо» и медных трубочках была приставшая ткань (шелк), вероятно, от одежды погребенной женщины.

Могила 3. Имела вид вытянутой по склону горы подобия кладки камней в 2,5 x 1,5 м, ориентированной по длине в направлении СВ–ЮЗ. Рядом в 80 см от СВ угла кладки находилась кольцевая каменная кладка из 8–10 камней диаметром около 1 м, похожая на очаг, но без признаков огнища.

В силу обстоятельств копали также ускоренным способом, без расчистки кладки. В глубине ямы выявилась та же закономерность – смещение захоронения под западную стенку. На этот раз не стали прирезать стенку ямы, а подкопались методом подбоя. При этом было заметно рыхлое заполнение внизу в отличие от более плотного сверху, что и подтверждало наше заключение о подбойном способе захоронения и в предыдущих двух могилах (рис. 4). С восточной стороны подбой был также отгорожен от основной ямы.

На глубине 115–145 см было расчищено непотревоженное захоронение молодой женщины, лежавшей в том же положении, на спине, с вытянутыми ногами и руками (чертеж, к сожалению, у автора не сохранился). Сверху вещей не было. При разборке скелета под левым ухом найдена медная проволочная серьга (рис. 4.1). На изогнутую в виде вопросительного знака проволочную основу серьги напаян фигурный рельефный щиток с гнездышками, в которые вставлены две круглые перламутровые вставки. Вероятно, все металлические детали серьги были позолочены, но теперь позолота покрыта окисью меди.

Там же, у левого уха, кроме того, найден набор из трех бронзовых китайских монет (рис. 4.2), нанизанных своими квадратными отверстиями на деревянную палочку, заостренную на одном конце в виде юлы. На двух монетах иероглифы различимы, на третьей они неразборчивы. Ц. Доржсүрэн, старейший монгольский археолог, автор книги «Умард хунну», на одной из монет прочитал два иероглифа – название династии Тайпин.

Могилы в местности Хөшөөны Ухаа Их хэт сомона Восточно-гобийского аймака Монголии. Своеобразный погребально-поминальный комплекс находится в 13–14 км к югу от сомона Их Хэт

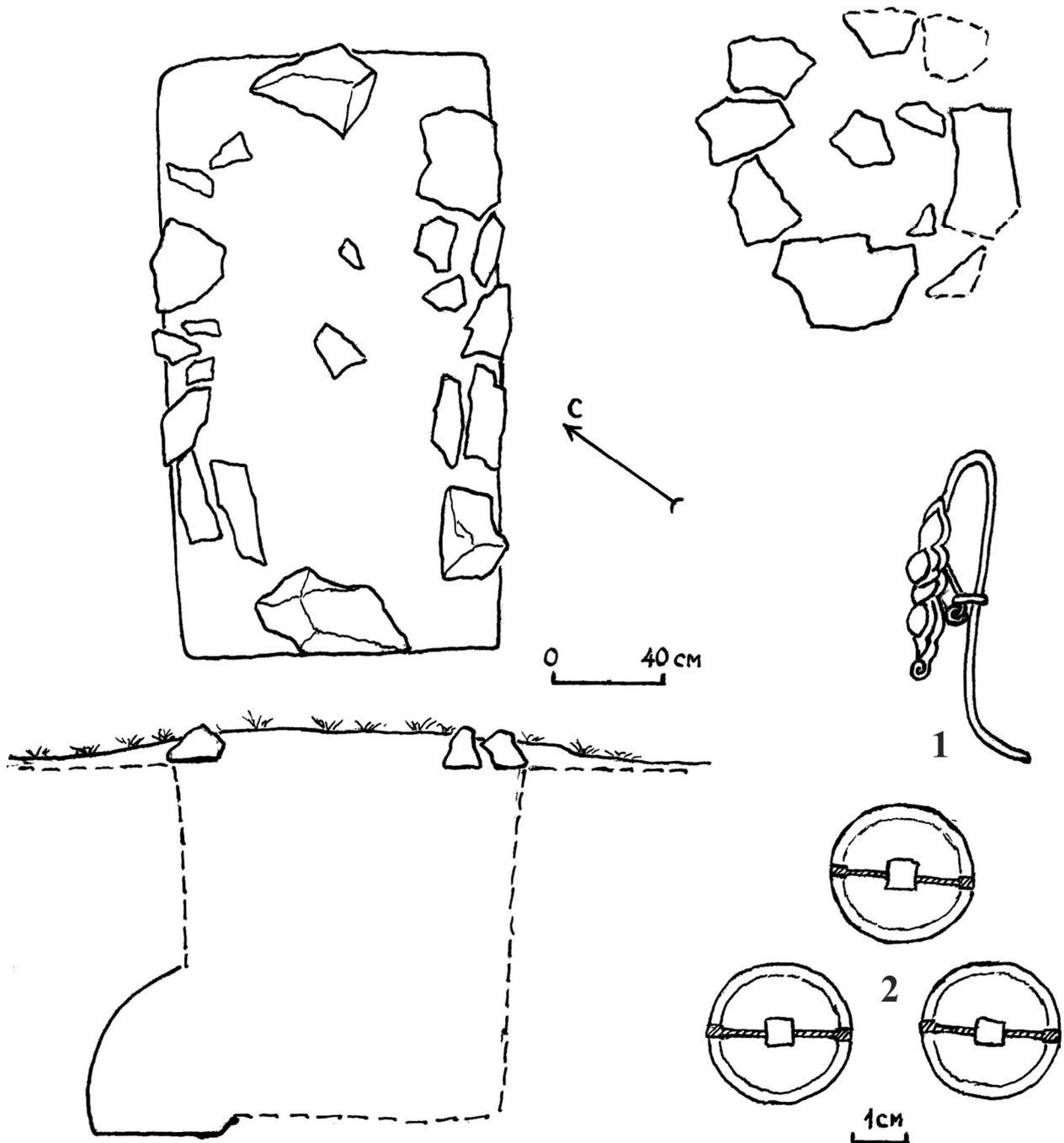

Рис. 4. Могильник Буурал уул. Могила 3
 Fig. 4. Cemetery Buural uul. Grave 3

посреди открытой степи на пологом невысоком возвышении с названием Хэшээны Ухаа. На холме (точнее, бугре) стоит одинокая стела, к югу и западу от неё на удалении до 40–50 м насчитываются с десяток различных объектов в виде каменных кладок различных форм и размеров, визуально трудно диагностируемых типологически. Эти объекты были обнаружены в 1986 г. Д. Цэвээндоржем и И. Эр-

дели. Раскопок они тогда не производили, но предполагали о существовании тюркского комплекса. С этими же исследователями пришлось поработать на этом памятнике и мне в 1988 г.

Местность представляет собой мелкокаменистый грунт со скудным травяным покровом, что хорошо соответствует своему определению «ухаа» в названии «Хөшөөны Ухаа», что в переводе

на русский означает «Рыжеватый палевого цвета холм со стелой-памятником». Одинокая каменная стела (хөшөө), видимая издали достопримечательность этой местности, является центральным объектом, привлекающим внимание путника. Стоит он у южного края курганоподобного бугра диаметром около 6 м, вокруг которого разбросаны камни, происходящие, очевидно, из этого, некогда цельного кургана. Стела из гнейсо-гранита, высотой 125–126 см, шириной в основании 40–41 см, толщиной у основания 25–26 см, верхняя половина сужена и завершается косым сколом. Своими широкими плоскостями стела ориентирована в направлении С–Ю. В размещении прочих объектов на местонахождении видимого порядка не просматривается. Единственный из них исследованный нами объект – это обозначенная нами могила 1.

Могила 1. Расположена в 25–26 м к северо-западу от стелы, представляет собой кольцеобразную реденькую кладку из камней. Сняли план кладки до раскопок (рис. 5). Всю кладку охватили раскопом со сторонами 4,5 x 4,2 м. Посередине кладки камни уходили вглубь провалом в яму. По мере углубления в провал определилась СЗ–ЮВ ориентация могильной ямы (рис. 5). На глубине около 80 см встретились мелкие фрагменты дерева, бересты и железных пластинок. Глубже найден астрагал, пяточная и берцовая кости от бараньей ноги, лошадиные резцовые зубы, фрагмент от берестяного колчана (рис. 6). При дальнейшей расчистке в СЗ конце ямы выступила вертикально торчащая берцовая кость задней ноги барана с астрагалом и пяточной костью (по-монгольски эта связка костей называется соответственно: *шаант чэмэг, шагай и борви*). Вместе с выше найденными одноименными бараньими костями получается, что при данном захоронении были две ноги животного, причем молоденькой особи.

Контуров стенок гроба прослеживались четко, за исключением задней ЮВ стенки (рис. 6). У северо-восточной стенки гроба на уровне колен и выше обнаружены детали конской узды: железные удила с большими кольчатыми псалями (рис. 6.2), бронзовые с позолотой накладные бляхи разных форм с остатками прикрепленного к ним с помощью тонких шпонок кожаного ремня (рис. 6.1). По-

рядок размещения этих деталей узды был нарушен, и, возможно, нескольких мелких одинаковых бляшек не доставало (на рис. 6.1 сделана попытка частично реконструировать уздечный декор).

При окончательной расчистке гроба уточнили его ориентировку длинной осью на 307°, т. е. СЗ3–ЮВВ. Дно гроба – на глубине 125 см. Скелета в гробу не оказалось, найдены лишь человеческие зубы, рассеянные примерно там, где надлежит быть черепу и челюсти. Слева от остатков головы на уровне шеи, у стенки гроба уточнено место нахождения выше найденной бараньей ноги, поблизости от неё найдены три бараньих позвонка в связке (рис. 6). Сильно разрушенные остатки берестяного колчана и остатки узды находились, примерно, там же, где им надлежит быть – на уровне бедер. К сожалению, невозможно определить назначение фрагментов железных изделий, найденных в захоронении.

Могила в местности Гурван модото Батцэнгэл сомона Архангайского аймака находится в одном из распадков у одноименной горы, получившей свое название по трем приметным деревьям (*гурван мод*), растущим на седловине близко к вершине. Среди разнообразных объектов типа керексуров и прочих каменных курганов и кладок нами раскопан один из них, представлявший собой каменную кладку в виде кургана с вертикальным камнем посередине. Форма кладки визуально выглядела круглой, но после фиксации на плане оказалось, что была скорее овальной. При разборке кладки выяснилось, что камни залегали в два-три ряда и были довольно крупные (рис. 7). Сразу же под кладкой обнаружены человеческие кости, залегавшие в разрозненном состоянии. По сторонам остатков скелета найдены кости животных – трубчатая кость молодой особи бычка и разрозненные челюсти барана (или овцы).

В скоплении разрозненных остатков скелета (рис. 7.1) сделаны вещевые находки. Возле черепа – бронзовая пластина трапециевидной формы с закругленными углами (размерами длинной стороны около 4 см, короткой стороны около 3 см, высота между ними – 4,1 см, толщиной 1,5 мм) (рис. 7.2). Изделие было некогда в матерчатом ките или просто в обертке, о чем можно судить по

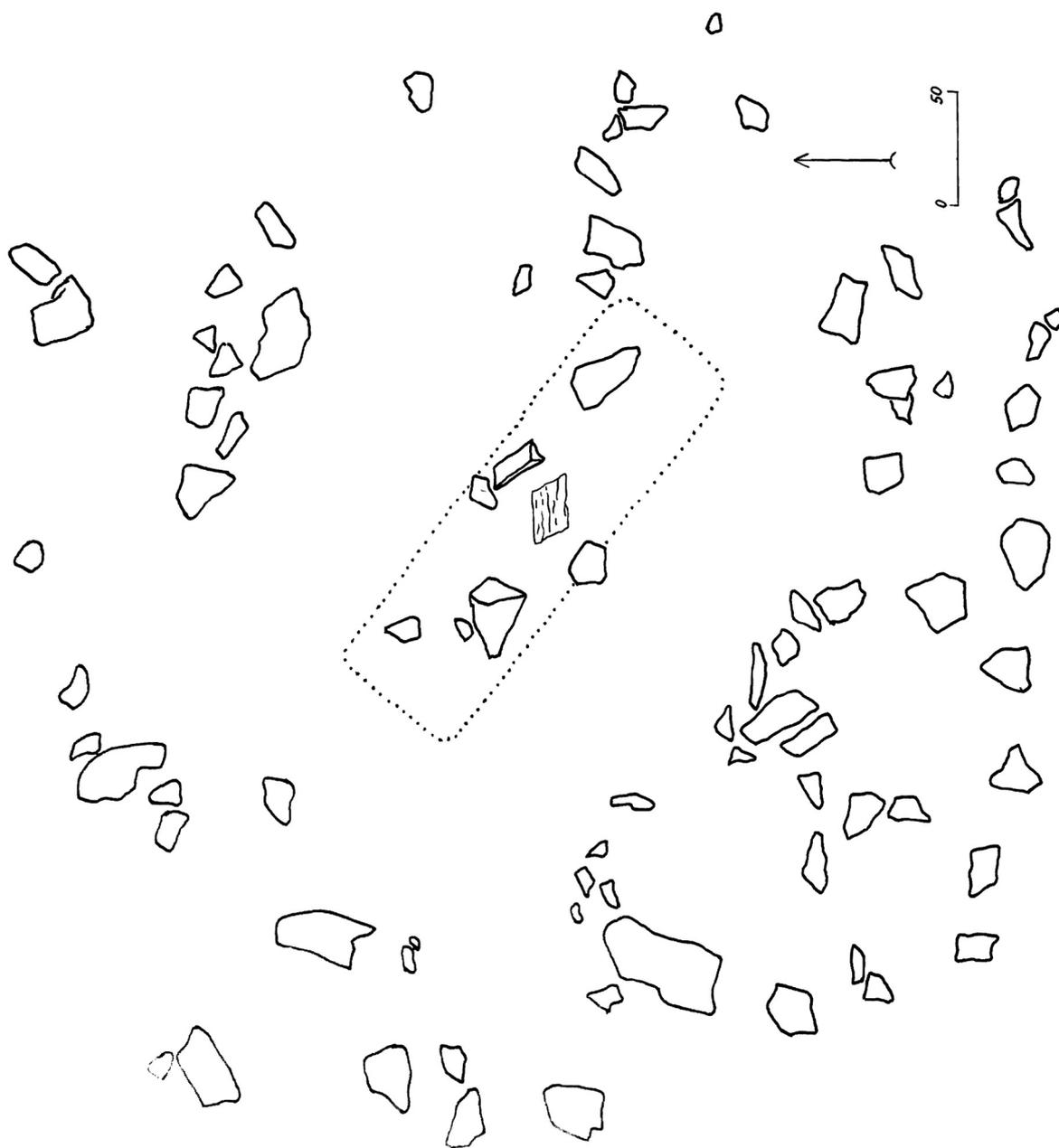
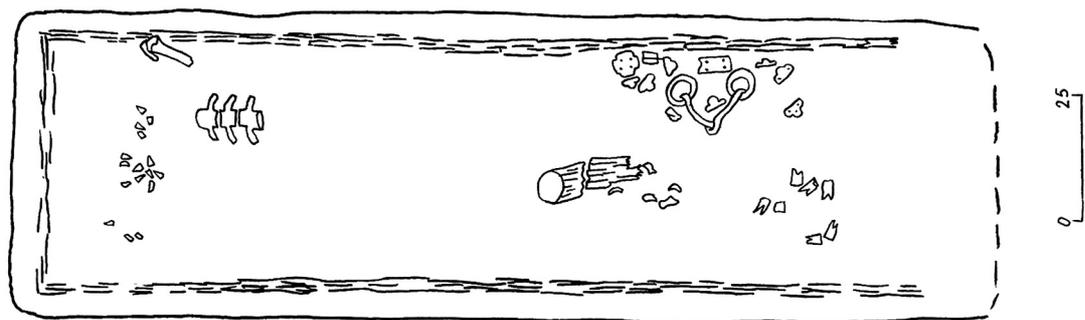

Рис. 5. Могильник Хөшөөны Ухаа. Могила 1
Fig. 5. Cemetery Hesheny Uhaa. Grave 1

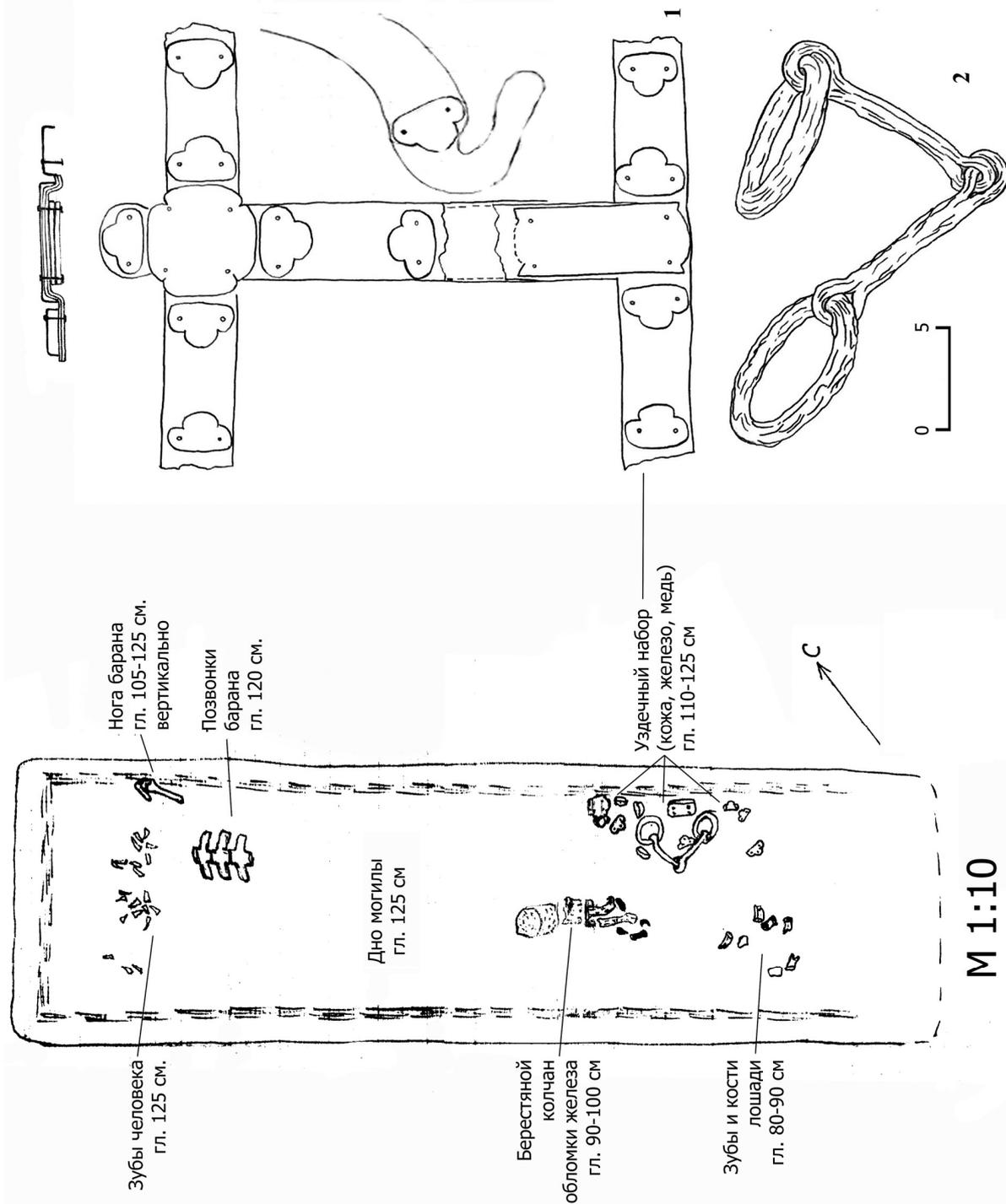

Рис. 6. Могильник Хешены Ухаа. Могила 1
Fig. 6. Cemetery Hesheny Uhaa. Grave 1

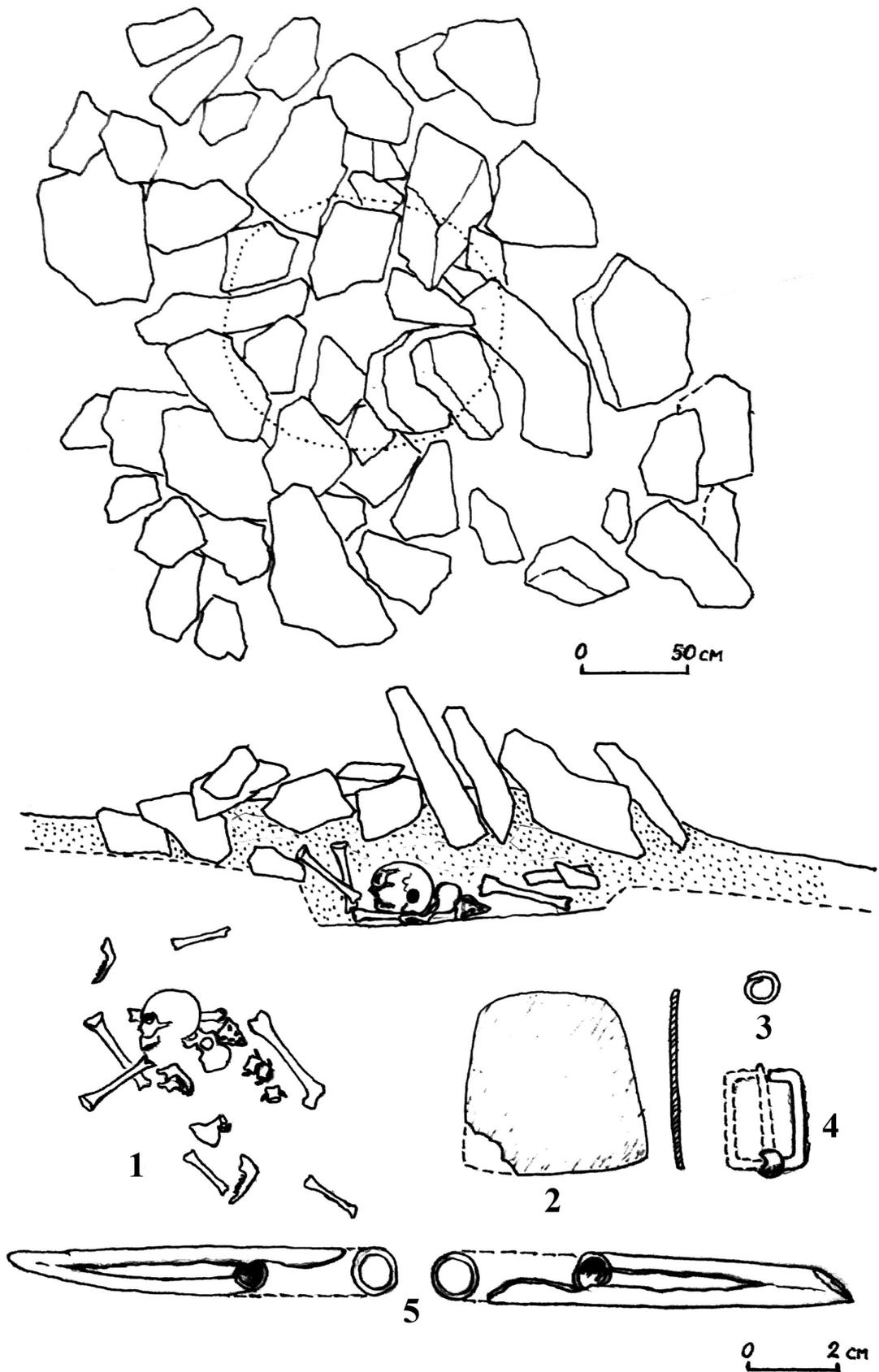

Рис. 7. Могильник Гурван модото. Могила 1
Fig. 7. Cemetery Gurvan modoto. Grave 1

сохранившемся лоскутку ткани с какими-то нитями и бахромой. Там же найдены: обломок железной пряжки с язычком, прямоугольной формы размерами 2,3 x 1,7 см; деталь серебряной провололочной серьги в виде кольцевой закрутки диаметром 0,7–0,8 см; фрагмент роговой полой трубочки типа игольницы (?).

Могильной ямы не оказалось. Захоронение, видимо, было произведено в произвольно разрытом на глубину 20–25 см грунте, засыпано землей и сверху заложено камнями.

Могилы в местности Богчийн булан Галт сомона Хубсугульского аймака. Местность на левом берегу р. Чулуут в её изгибе на выходе из узкого горного ущелья у южной границы Хубсугульского аймака, противоположный берег в этом месте представляет отвесную каменную стену. Здесь наше внимание привлекли два объекта, похожие на могилы (из разряда одиночных, поскольку других в округе не наблюдалось). Первый объект, раскопанный в метрах около 30–35 от берега, оказался начисто ограбленной могилей, от которой оставались: редкий наброс задернованных камневалунов на поверхности и лишь на глубине 70 см и ниже прослеживалось подобие пятна, в границах которого найдены мелкие обломки обожженного дерева, на одном из таких фрагментов замечен ржавый железный кусочек, похожий на остаток забитого гвоздя. Объект зафиксирован мной как *Могилка 1* (графическая документация отсутствует).

Могилка 2. Находится на более высокой террасе (на которой имеются валуны с петроглифами), приблизительно в 20 м от предыдущей. Снаружи смотрелась в виде компактной курганной кладки (из валунов) овальной формы, выступающей на поверхности до 30 см. После расчистки она имела размеры 3 x 2 м, ориентированной строго по направлению С–Ю. Впечатление было как о нетронutom сооружении (см. план, рис. 8).

При разборке кладки встретились баранья фаланга. Посередине камни шли вглубь, на глубине 50–55 см они превратились в четкое подкурганное заполнение пятна размерами 130 x 70 см. Среди камней встречались черные угольки.

Разбирая камни, углубились еще на 30 см, каменное заполнение закончилось на глубине 80 см

над самыми остатками захоронения, когда уже показались кости ступней ног и череп. Лишь на этой глубине четко проступили контуры могильной ямы в форме неправильного овала размерами 180 x 95 см (рис. 8).

Расчистка скелета. Кости отличались заметной хрупкостью, особенно череп, который легко буквально стирался при чистке щеткой и кистью. Длина скелета 166–167 см. Вместе с костями скелета в погребении найдены кости овцы. Ниже правого локтя с внешней стороны обнаружена берцовая кость молодой особи овцы (?) в сочетании с третьими фалангами (рис. 8.1) (одна вторая фаланга, также молодой особи, встретила нам в начале раскопки среди камней кладки). Положение берцовой кости овцы было наклонным, нижним концом к тазовой кости человека.

У верхнего эпифиза правого бедра найден шейный позвонок барана (или овцы) (рис. 8.2). У правой ступни ноги лежал бараний череп (рис. 8.3). При разборке скелета покойника найдена еще одна берцовая кость барана, которая лежала под левой бедренной костью человека, нижним концом в сторону правого бедра (рис. 8.4). Вещей не найдено. Лишь под левой подмышкой замечен истлевший кусок древесины, да в области пояса справа обрубок тонкой палочки, похожий на рукоятку но-

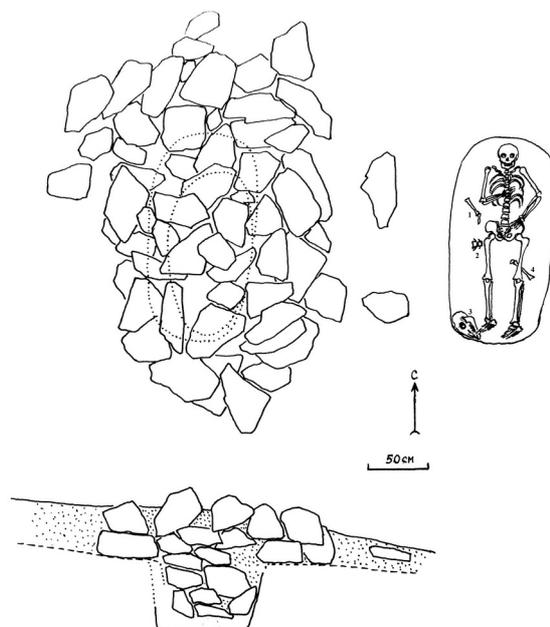

Рис. 8. Могильник Богчийн булан. Могилка 2
Fig. 8. Cemetery Bogchiin bulan. Grave 2

жа, но никаких признаков железного насада лезвия ножа в ней не было.

При разборке скелета замечено, что, судя по стершимся зубам, череп принадлежал старому человеку, и если учесть тонкость костей рук и некоторых других костей, захоронение могло принадлежать старой женщине.

Могила в местности Сальхитын тохой Галтсомона Хубсугульского аймака. Местность к северу недалеко от предыдущей, на противоположном правом берегу крутого изгиба р. Чулуут. У подножия отвесной скальной стены каменного каньона расположены 6–7 курганных сооружений – больших внизу террасы, малых – выше по склону. Последние представляют собой необычные кладки из призматических столбчатых камней, обломков такой же столбчатой структуры скалы, вздымающейся вверх над этим местом.

Могила 1 – единственная из упомянутой группы, раскопанная нами. Представляла собой невысокую по сравнению с другими, менее четкую по форме, вытянутую по склону кладку овальной формы, длиной около 5 м, шириной 3,5 м, ориентированную близко к направлению С–Ю с отклонением на восток (рис. 9). Впечатление было такое, будто с кургана некогда были сняты более мелкие камни (какие сохранились по краям этой кладки и видны на других курганах), остались продолговатые призматически граненые камни, уложенные поперек длины кургана. Кладка возвышалась над поверхностью склона до 50 см.

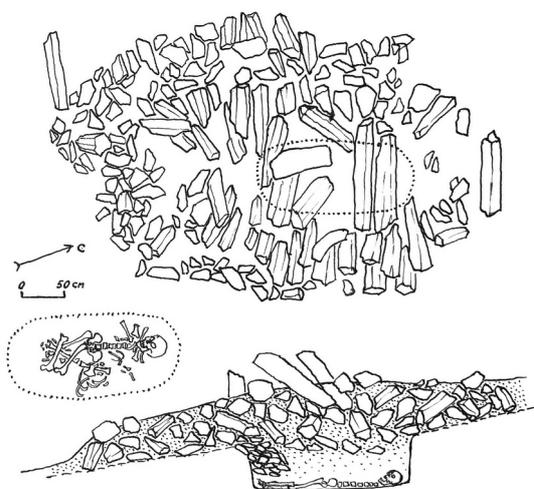

Рис. 9. Могильник Сальхитын тохой. Могила 1
Fig. 9. Cemetery Sal'hityn tokhoi. Grave 1

Сняли кладку на всю толщу сразу и зачистили раскоп. Никакого могильного пятна не было видно, но при продолжении раскопки определились контуры ямы, глубина которой не превысила 30–35 см. На дне остатки захоронения предстали разрозненными костями скелета (рис. 9.2). Череп лежал примерно на своем месте, челюсти отделены, кости рук, ребра и лопатки были сдвинуты, лежали беспорядочно, кроме позвоночника и таза. Кости ног ниже колен были передвинуты в область бедер, тоже сдвинутых со своих мест. Захороненный был ориентирован строго по продольной оси надмогильной кладки приблизительно около 30° СВ–ЮЗ. Череп монголоидный, на затылочной кости большая пробоина, на темени чуть справа от макушки вторая маленькая пробоина. Никаких находок вещей не обнаружено.

Краткий анализ устройства и обряда захоронений. Сопоставительные материалы. По внешнему виду часть раскопанных могил можно определить как разреженный набросок камней, полужадеированный, слабо выступающий на поверхности (до 15–20 см). К таким относятся могилы в Буурал уул и Хөшөөны ухаа. Другие могилы выглядят на поверхности как курганоподобные относительно плотные наброски камней (высотой до 50 см) – могилы в Гурван модото, Богчийн булане, Сальхитын тохое.

По внутреннему устройству могил видим различия по глубине и форме ям и по внутримогильным сооружениям. Все три захоронения в Буурал ууле – в ямах с подбоем и полуподбоем на глубине 120–145 см, и одно из них еще и с искусственным сооружением – в деревянном гробу; могила в Хөшөөны ухаа – просто в яме глубиной 125 см. Захоронения под курганоподобными набросками – в неглубоких ямах, без искусственных сооружений; из них в Богчийн булане и Сальхитын тохое глубина ям чуть больше полметра, считая от низа курганов, в Гурван модото даже не яма, а просто углубление на склоне местности.

Представленные мной новые материалы из Монголии были получены в то время, когда в продолжение монографического труда Е.А. Хамзиной «Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники)» (1970) сектором архео-

логии Бурятского института общественных наук под руководством П.Б. Коновалова были возобновлены исследования средневековых памятников. В 1970–1980 гг. раскопана серия могил на территории Бурятии и начаты исследования поселений этого периода (Коновалов, Данилов, 1981; Именохоев, Коновалов, 1985; Данилов, 1985). Л.Г. Ивашиной в ходе исследований неолит-энеолитических памятников произведены раскопки средневековых погребений (1973, 1974, 1975). В те же годы накапливались материалы по погребальным комплексам Восточного Забайкалья и Предбайкалья (Кириллов, 1979; Ковычев, 1981; Ковычев, 1984; Асеев, 1980; Асеев и др. 1984; Кириллов и др. 2000). В этой ситуации достатка сравнительных данных из региона Байкальской Сибири культурно-типологическое определение нашего небольшого материала из Монголии может быть дано даже без пунктуального сопоставительного с ними анализа, потому позволим себе ограничиться самой общей его оценкой.

Типолого-хронологическому определению без всяких сомнений поддаются все три погребения из местности Буурал уул, в Хөшөөны ухаа и с некоторой долей неуверенности к ним можно отнести захоронение в Богчийн булане. Такие захоронения могут быть отнесены к так называемому саянтуйскому типу западно-забайкальских памятников, выделенному Г.П. Сосновским (Сосновский Г.П. Архив ЛОИА. Ф. 42. Д. 236, 237) и впоследствии широко вошедшего в литературу по средневековой археологии Бурятии. Хронология памятников этого типа у разных авторов варьирует в рамках XI–XIV вв. (Коновалов, Данилов, 1981; Именохоев, Коновалов, 1985), другие ограничивают датировку двумя последними (XIII–XIV) веками (Хамзина, 1970; Дашибалов, 1995).

Что касается могил Гурван модото и Сальхитын тохой, то их типологизация пока для меня затруднительна: не только в силу своеобразия этих объектов, но скорее по причине их плохой сохранности, хотя по внешним признакам они могут сойти за варианты как саянтуйского, так и предшествующего хойцегорского типов памятников.

Кстати, кроме наших публикуемых материалов о погребениях, хорошо сопоставимых с забай-

кальскими, были раскопаны также погребения Советско-Монгольской экспедицией под руководством А.П. Окладникова на востоке Монголии на территории Дорнод аймака (Асеев, 1975. С. 178–187) и в Центральной Монголии вблизи Хара-Хорина на Орхоне (Худяков, 1982. С. 124–125).

К вопросу о раннемонгольской археологической культуре. По мере накопления материалов раскопок в 70–80-х гг. прошлого столетия археологами Забайкалья обсуждалась этно-типолого-хронологическая схема погребальных комплексов второй половины I тысячелетия – первой половины II тысячелетия, начало разработки которой было заложено Г.П. Сосновским и скорректировано позднее Е.А. Хамзиной. Возникла дискуссионная ситуация: если во временной последовательности смены хойцегорского типа захоронений саянтуйским одни авторы усматривали соответственно смену тюркоязычных этносов монгольскими, то другие реальный исторический процесс видели иначе – подразумевали присутствие монгольских этносов и в хойцегорском типе памятников с тюркскими чертами культуры. Представители последней точки зрения сочли возможным говорить о формировании раннемонгольской археологической культуры, прошедшей путь через тюркотелескую этнокультурную стихию времен каганатов, и впервые выдвинули такую версию в своих статьях (Именохоев, 1989. С. 61–62; Коновалов, 1989. С. 12–13), где оба автора одинаково трактовали имеющиеся различия между хойцегорскими и саянтуйскими типами памятников и рассматривали их как этапы развития культуры ранних монгольских этносов.

Вскоре Н.В. Именохоев выступил со статьей, подтверждающей статус раннемонгольской археологической культуры (Именохоев, 1992. С. 23–48). В ней он еще раз взял на учет и систематизировал основные характеристики погребальных обрядов средневековых захоронений всего Байкальского региона, которые можно, по его мнению, объединить вокруг главного признака – ритуального вложения в могилу берцовой кости овцы/барана (по-монгольски *шаант чөмөг* – П.К.), известного из монгольской этнографии обычая, по которому весь этот комплекс можно назвать раннемонгольской

культурой. Согласно этой сводке могильные ямы в большинстве случаев прямые, разной глубины, иногда с подбоем или имитацией подбоя; положение тел в них прямо на грунте, без внутренних конструкций, на спине с прямыми ногами, иногда ноги согнутые в коленях и упавшие в ту или иную сторону, на правом или левом боку, с вытянутыми ногами и руками или согнутыми ногами и руками, сложенными перед грудью; в ямах с внутримогильными конструкциями – деревянным гробом или колодой, берестяным мешком или коробом, войлочной или овчиной оберткой, а то и просто настлом из досок – в них преобладает положение тел вытянутое на спине и очень редко на боку (обзор литературы о раннемонгольской археологической культуре сделан Б.Ч. Ардановым, 2002).

Авторы же публикаций о памятниках Восточного Забайкалья и Предбайкалья разрабатывали каждый свою типолого-хронологическую схему материалов. В Восточном Забайкалье в тот период было выработано понятие о собственно бурхатуйской культуре в рамках 2-й половины I тыс. н. э. как этнически шивэйской со значительным элементом мохэской культуры; в период X–XIV вв. там представлен разнообразный поселенческо-погребальный комплекс монгольской культуры, в котором немногочисленные погребения, датируемые X–XII вв., атрибутируются как раннемонгольские с наличием в них элементов (влияний) тюркских соседей, а основные характеристики погребений имперского периода XIII–XIV вв. хорошо коррелируются с саянтийским типом захоронений Западного Забайкалья (Ковычев, 1984. С. 45, 50). Кроме того, в Восточном Забайкалье выделена дарасунская культура 2-й половины I тыс. н. э. со своеобразным погребальным обрядом и вещевым комплексом, имеющим тюркские черты (Ковычев, 1989. С. 23). Аналогии дарасунской культуре Е.В. Ковычев видел в Западном Забайкалье в группе могильников в районе Еравнинских озер, раскопанных Л.Г. Ивашиной и опубликованных как курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии (Кызласов, Ивашина, 1989. С. 34–52). Вместе с тем Ковычев сопоставлял дарасунские погребения с хойцегорским типом захоронений, признавал между ними культурно-хронологическую близость (даже общ-

ность), но этнически соотносил дарасунцев с байырку / байегу, отличая последних от хойцегорцев-уйгуров (Ковычев, 1984. С. 31–32; Кызласов, Ивашина, 1989. С. 24).

В свое время автором настоящей работы производилась корреляция средневековых археологических культур всего Забайкалья и Предбайкалья по состоянию их изученности на конец 80-х годов (Коновалов, 1989. С. 5–20). В частности, по корреляции хойцегорских и дарасунских памятников мной сделана попытка нивелировать различия между ними указанием на то, что в хойцегорских обрядах погребений на территории Бурятии обнаруживаются вариативность труположений, вытянутых и скорченных (Там же. С. 16–17). Что касается вообще идеи раннемонгольской культуры, прошедшей, с моей точки зрения, свою эволюцию через все этнополитические образования Центральной Азии, мной в свое время предпринималась попытка подвести под неё теоретико-методологическую базу, сформулировав и раскрыв её в двух тезисах, вынесенных в заголовки разделов докторской диссертации: 1) «суперэтнический культурогенез прото- и ранних тюрко-монголов периода кочевых государственных образований от хунну до уйгуров»; 2) «этноэволюция и этнотрансформация тюрко-монгольских племен: формирование средневековых монголов» (Коновалов, 2000)¹.

В это же время в коллективном труде читинских археологов высказано отрицательное отношение к идее выделить раннемонгольскую культуру в рамках VIII–XIV вв. только на основании находок «ритуальной трубчатой кости барана (овцы) и других костей животных»; там же введена поправка в статус дарасунской культуры в духе отрицания её общности с хойцегорской культурой и признания её самостоятельности, но с подтверждением этнической привязки к байырку / байегу (Кириллов и др., 2000. С. 68–69). Это, впервые печатно выска-

¹ Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) : автореф. дис... д-ра истор. наук. Улан-Удэ, 2000.
Konovalov P.B. Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages): Doct. histor. sci. syn. diss. Ulan-Ude, 2000.

занное возражение против метода выделения раннемонгольской культуры, было ожидаемо, хотя вопрос, на мой взгляд, требует продолжения разговора (но об этом в другом месте). Исходя из сложившейся стереотипной схемы последовательности тюркского и монгольского периодов в истории Внутренней Азии большинство исследователей оперирует дефиницией – раннемонгольская культура в общих рамках XI–XIV вв. Из недавних публикаций сошлюсь на статью Н.А. Батраковой и др. (Батракова, 2011. С. 404–410), где в обсуждении материалов могильника Шидинский мыс II в Приольхонье авторами учитывается широкий круг работ по средневековью Предбайкалья и Забайкалья, в которых захоронения, признанные монгольскими, датируются указанными рамками.

Один из современных последовательных медиэвистов-археологов А.В. Харинский в последние годы, похоже, целенаправленно обратился к теме раннемонгольского погребального комплекса. На основе обзора работ предшествующих исследователей в Байкальском регионе и новых личных и совместных с коллегами исследований в Восточном Забайкалье, Предбайкалье и Монголии Харинский ведет последовательное изучение погребальной практики средневековых монголов, определяя главные и второстепенные признаки (черты) настоящих монгольских захоронений, различия между относительно ранними и «классическими» памятниками имперского периода, выделяя обряды рядовых и «элитных» захоронений, сопоставляя их территориально-локальные особенности и даже, где возможно, диагностируя этническое тождество отдельных групп памятников на племенном уровне и т. д. (Харинский, 2010; 2012; 2013; 2015). В целом он заключил, что монгольские погребения имперского периода Юго-Восточного Забайкалья можно соотносить с погребениями саянцуйского типа Юго-Западного Забайкалья в его узком варианте датировки (XIII–XIV вв.) и, что общность этих погребальных комплексов по большинству параметров позволяет говорить об их культурной близости. Однако он видит при этом и некоторое различие между ними, которое, на его взгляд, просматривается в определенной специфичности саянцуйских захоронений Бурятии. А внести ясность в этот вопрос мо-

жет, как он правильно выразился, статистический анализ элементов погребального ритуала последних (Харинский, 2013. С. 131). С этим, безусловно, надо согласиться, ибо не только саянцуйский, но и все средневековые погребальные комплексы на территории Бурятии нуждаются теперь в строгой систематизации и пополнении новыми материалами, а возможно, и в коррекции.

Между тем современные молодые археологи Монголии чаще стали раскапывать средневековые монгольские погребения. Сведения об этом нахожу, например, в статье Д. Хатанбаатара и Р. Тугссайхана, где указаны новейшие публикации по данной теме и дан краткий анализ новых материалов, в которых авторы видят много общего с материалами по Южному Прибайкалью (Хатанбаатар, Тугссайхан, 2011. С. 499). Более того, с темой монгольских захоронений, их погребальной обрядностью, географическим распространением столкнулись археологи Киргизии. К.Т. Акматов и К.Ш. Табалдиев (Акматов, Табалдиев, 2016. С. 10–16) в статье «Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане» представили результаты сравнительного анализа таких памятников, исследованных ими, как они пишут, с погребениями раннемонгольской культуры в Байкальском регионе и Монголии (со ссылками на наши работы – Данилова, Именохова, Коновалова, Харинского, Хатанбаатара и др.). Примечательно то, что авторы выразили в заключение своей публикации, цитирую: «Дальнейшие исследования в данном направлении на территории Тянь-Шаня, Монголии и Байкальского региона позволят более детально разработать вопрос выделения погребений средневековых монголов и уточнить высказанные здесь положения» (Акматов, Табалдиев, 2016. С. 14). Поистине, это и наше пожелание: пора начать трехстороннее сотрудничество в этом деле.

Заключение. Для дальнейшей разработки археологии монгольского средневековья необходимо расширение ареала исследований памятников на всем пространстве Внутренней и Внешней (Халха) Монголии и прилегающей территории Сибири. В продолжение ранее и совсем недавно проведенных совместных исследований археологов Иркут-

ска, Читы, Владивостока и Монголии напрашиваются новые международные проекты археологов Монголии, Китая и России, нужны оперативные контакты по корреляции результатов исследований в разных регионах монгольского мира.

Ввиду очевидной близости средневековых погребальных комплексов по основным параметрам и отсюда проблематичности их дифференциации между монголоязычными и тюркоязычными этническими группами Северной Монголии и Байкальского региона, в частности, возрастает значение накопления датированных методами естественных наук артефактов. Поскольку в литературе имеется тенденция без особых сомнений выделять в рам-

ках «монгольского» времени (с рубежа смены тюркских династий монгольскими) еще и погребения имперского периода (XIII–XIV вв.), острую актуальность приобретает тщательная разработка критериев идентификации раннемонгольского погребального комплекса вообще, а в ареалах и в периодах тюрко-монгольских и тунгусско-монгольских контактов, в особенности.

«Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Статья поступила 19.10.2017 г.

Article was received in October, 19, 2017

Библиографический список

Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш. Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Международной научной конференции. Красноярск, 3–7 октября 2016 г. Красноярск : СФУ, 2016. С. 10–16.

Арданов Б.Ч. История изучения памятников раннемонгольской археологической культуры Западного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита: Изд-во БГУ, 2002. С. 178–185.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.

Асеев И.В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1975. С. 178–187.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск : Наука СО, 1980. 250 с.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука СО, 1984. 200 с.

Батракова Н.А., Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Новые данные по погребальной практике раннемонгольского времени Приольхонья (по материалам могильника Шидинский мыс II // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международ-

References

Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. On the ethnocultural affiliation of burials with an oval stone embankment in the 13th–14th centuries on the Tien-Shan. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya : materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Krasnoyarsk, 3–7 oktyabrya 2016 g. [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: proceedings of the VII International Scientific Conference. Krasnoyarsk, October 3-7, 2016]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2016, pp. 10–16. (In Russian).

Ardanov B.Ch. History of the study of sites of the early Mongolian archaeological culture of the Western Transbaikalia. *Tsentrāl'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal region in antiquity]. Ulan-Ude – Chita: Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002, pp. 178–185. (In Russian).

Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1981.

Aseev I.V. On Early Mongolian Burials. *Sibir', Tsentrāl'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1975, pp. 178–187. (In Russian).

Aseev I.V. *Pribaikal'e v srednie veka (po arkheologicheskim dannym)* [The Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data)]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1980. 250 p.

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. *Kochevniki Zabai-kal'ya v epokhu srednevekov'ya* [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1984. 200 p.

Batrakova N.A., Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. New data on the burial practice of the Early Mongolian time of Priolkhonye (based on the materials of the cemetery Shidinsky Cape II). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*.

ной научной конференции. (Иркутск, 2–7 мая 2011 г). Вып. 2. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2011. С. 404–410.

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : Наука СО, 1985. С. 86–91.

Дашибалов Б.Б. Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. Ч. 1. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. унта, 2001. С. 58–68.

Ивашина Л.Г. Археологические раскопки Бурятского республиканского краеведческого музея в Еравне // Вопросы краеведения Бурятии. Вып. VIII. Улан-Удэ, 1975. С. 131–138.

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 55–62.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : ВО Наука, 1992. С. 23–48.

Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : Наука СО, 1985. С. 69–86.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск, 1979. 95 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 173 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука СО, 1981. С. 73–79.

Ковычев Е.В. История Забайкалья (I сер. – II тыс. н. э.). Иркутск, 1984.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 5–20.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые по-

(Irkutsk, 2–7 maya 2011 g). [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the International Scientific Conference. (Irkutsk, May 2–7, 2011)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, Iss. 2, pp. 404–410. (In Russian).

Danilov S.V. Sacrifices of animals in funerary rites of the Mongolian tribes of Transbaikalia. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural ties]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1985, pp. 86–91. (In Russian).

Dashibalov B.B. On the ethnicity of the Sayantui type graves of South-Eastern Siberia. *Buryatiya: Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya. Ch. 1* [Buryatia: Problems of Regional History and Historical Education]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2001, part. 1, pp. 58–68. (In Russian).

Ivashina L.G. Archaeological excavations of the Buryat Republican Local History Museum in Yerevan. *Voprosy kraevedeniya Buryatii* [Questions of studying of local history of Buryatia]. Ulan-Ude, 1975, iss. VIII, pp. 131–138. (In Russian).

Imenokhoyev N.V. To the question of the culture of the early Mongols (according to archeology). *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 55–62. (In Russian).

Imenokhoyev N.V. Early Mongolian archaeological culture. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii* [Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]. Novosibirsk: VO Nauka Publ., 1992, pp. 23–48. (In Russian).

Imenokhoyev N.V., Konovalov P.B. To study the funerary sites of the Mongols in Transbaikalia. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural ties]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1985, pp. 69–86. (In Russian).

Kirillov I.I. *Vostochnoe Zabaikal'e v drevnosti i v srednevekov'e* [Eastern Transbaikalia in antiquity and in the Middle Ages]. Irkutsk, 1979. 95 p.

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. *Darasunskiy kompleks pamyatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e* [Darasunsky complex of archaeological sites. Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk: IAESO RAN Publ., 2000. 173 p.

Kovychev E.V. Mongolian burials from the Eastern Transbaikalia. *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya* [New in archeology of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981, pp. 73–79. (In Russian).

Kovychev E.V. *Istoriya Zabaikal'ya (I ser. – II tys. n. e.)* [History of Transbaikalia (I – II millenium AD)]. Irkutsk, 1984.

Konovalov P.B. Correlation of medieval archaeological cultures of Baikal and Transbaikalia. *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 5–20. (In Russian).

Konovalov P.B., Danilov S.V. Medieval burials in Kiba-

гребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука СО, 1981. С. 64–73.

Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 34–52.

Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис хана (XII–XIV вв.) / отв. ред. А.П. Деревянко, В.В. Волков. Улаанбаатар: Ин-т «Чингис хан», 2015. 156 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Международной научной конференции (Чита, 13–19 сент. 2013 г.). Чита : Забайкальский государственный университет, 2013. Ч. II. С. 125–131.

Харинский А.В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Ч. II. С. 531–538.

Харинский А.В., Луньков А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Томор-Очир Идэрхангай, Литвинцев А.Ю. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н. э.: по материалам могильника Окошки // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 247–250.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Т. II. С. 467–473.

Хатанбаатар Д, Тугссайхан Р. Могильный комплекс монгольского времени из Восточной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции. (Иркутск, 2–7 мая 2011 г.). Вып. 2. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2011. С. 497–500.

lino (Western Transbaikalia). *Novoe v arkheologii Zabai-kal'ya* [New in archeology of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981, pp. 64–73. (In Russian).

Kyzlasov L.R., Ivashina L.G. Mounds of medieval Turks in the North-Eastern Buryatia. *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 34–52. (In Russian).

Lkhagvasuren Kh. *Mongol'skie pogrebeniya perioda Chingis khana (XII–XIV vv.)* [Mongolian burials of the period of Genghis Khan (XII–XIV centuries)]. Ulaanbaatar: In-t "Chingis khan", 2015. 156 p.

Khamzina E.A. *Arkheologicheskie pamyatniki Zapadnogo Zabaikal'ya (pozdnie kochevniki)* [Archaeological sites of Western Transbaikalia (late nomads)]. Ulan-Ude, 1970.

Kharinskii A.V. Funeral practice of the Mongols in the XIII–XIV centuries. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Chita, 13–19 sent. 2013 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the IV International Scientific Conference (Chita, September 13–19, 2013)]. Chita: Transbaikalian State AUniversity, 2013, part. II, pp. 125–131. (In Russian).

Kharinskii A.V. Mongolian burials XIII–XIV centuries in the territory of the Baikal region. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Khukh-Khoto, 2015, part. II, pp. 531–538. (In Russian).

Kharinskii A.V., Lun'kov A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N., Tomor-Ochir Iderkhangai, Litvintsev A.Yu. The funeral rite of the population of the South-Eastern Transbaikalia in the 2nd millennium AD: on the materials of the funeral site Okoshki. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ulan-Ude, 20–24 sentyabrya 2010 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the III International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 20–24, 2010)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2010, pp. 247–250. (In Russian).

Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N., Nomokov A.A., Litvintsev A.Yu. The funeral site Okoshki in the South-Eastern Transbaikalia: structural features. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ulan-Bator, 5–9 sent. 2012 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the III International Scientific Conference (Ulaanbaatar, September 5–9, 2012)]. Ulan-Bator, 2012, vol. II, pp. 467–473. (In Russian).

Khatanbaatar D, Tugssai Khan R. Grave complex of the Mongolian time from East Mongolia. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 2–7 maya 2011 g.)*. Vyp. 2 [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of the International Scientific Conference. (Irkutsk, May 2–7, 2011)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, pp. 497–500. (In Russian).

Худяков Ю.С. Древнемонгольское погребение из Бага-Арцат // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 124–125.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита : Изд-во БГУ, 2002. С. 150–160.

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047,
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: konpb@yandex.ru

Критерии авторства

П.Б. Коновалов выполнил исследовательскую работу на основании полевых археологических работ. Полученные материалы были проанализированы и обобщены в статье, сопровождающейся иллюстрациями. П.Б. Коновалов имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

П.Б. Коновалов заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Khudyakov Yu.S. Ancient Mongolian burial from Baga-Artsat. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of archeology and ethnography of Siberia]. Irkutsk, 1982, pp. 124–125. (In Russian).

Khudyakov Yu.S. Typology of funerary sites of Mongolian nomads of the early and developed Middle Ages. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal region in antiquity]. Ulan-Ude – Chita: Buryat State University Publ., 2002, pp. 150–160. (In Russian).

Information about the author

Prokopii B. Konovalov,

Doctor of Science (History), professor, senior researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia,
Russian Federation,
e-mail: konpb@yandex.ru

Attribution criteria

Konovalov P.B. made the research work on the basis of field archaeological works, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication. Konovalov P.B. owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

Konovalov P.B. declares no conflict of interest.